

Когда он ушел, я проверила звук на телефоне: включен.

Хотелось поскорее рассказать о прошлой ночи Ане, но она была далеко – за семь тысяч триста двадцать три километра, а разница во времени неделями не давала нам созвониться.

В Ане было что-то такое, чего не было во мне. То, как она ловила губами воздух, прежде чем голос вылетал из них, взвешенный и глубокий. Как затягивала в высокий хвост густые малиновые волосы. Пока остальные топталась в подростковом возрасте как в чужом коридоре, Аня точно знала, чего хочет. По крайней мере, если судить по ее описанию во в «ВКонтакте», где в любимых цитатах значилось: «Мне хотелось сжечь Лувр. Раскрошить молотком на мелкие кусочки греческую коллекцию в Британском музее и подтереться Моной Лизой. Отныне этот мир принадлежит мне!»*

Мы учились в одном классе. Типичная провинциальная школа – блеклое, обзаборенное здание, от которого в воспоминаниях остается только сырой запах хлорки, которой каждый день моют пол. Мы вместе ненавидели место, в котором родились («маленький город на юге Подмосковья») – с его душными людьми и засаленными чужой перхотью сиденьями в автобусах.

* Чак Паланик, «Бойцовский клуб».

В новостях по телевизору, который был включен постоянно, как будто мы всей семьей ждали, что там скажут что-то конкретно про нас и боялись пропустить, показывали протесты, президента, танцы в храме и снова президента. Но когда я приезжала в Москву, ничего этого там не было. Одинаковые, как из бесцветного лего, дома – как у нас, и метро, пахнущее кислым майонезом, – ничем не лучше автобусов. Когда я приезжала в Москву, казалось, что у нее выходной. Так было, пока я не познакомилась с Ваней.

Ваня был на четыре года старше меня, носил сумку через плечо и мог в разговоре употребить частицу «хз». Я была им абсолютно очарована.

Мы виделись по субботам: ходили на выставки или в кино. В нашу первую встречу (мы познакомились в «ВКонтакте») мы были в Политехническом музее на лекции об эволюции. Зал был переполнен, мы сидели на ступеньках под витражным стеклом, он взял меня за руку и спросил:

- Ты видела фильм «Фрэнсис Ха»? – Он произнес последние два слова с нарочитым акцентом.
- Франческа?
- Нет-нет, «Фрэнсис Ха». Не помню, как на русском. Я молчала и смотрела на руки. Фильм я не видела.
- Ты похожа на главную героиню, – сказал он и разжал мою руку, как ребенок, которому надоела игрушка.

Я улынулась в ответ и сделала вид, что слушаю. По дороге домой я загулила название фильма: *Anna throws herself headlong into her dreams, even as their possible reality dwindles**. Больше за руки мы не держались.

Мама со своими строгими ограничениями во времени и пространстве то и дело посягала на мои субботы.

– Обязательно ехать в такую даль? – спросила она, в ее глазах было даже не беспокойство – гнев.

– Обязательно! – огрызалась я.

М-да, зря я ей вообще сказала, в следующий раз нужно быть хитрее. Может, прокатит.

– Значит, успеешь. – Она смягчилась и перевела взгляд с меня на экран телевизора. – Или вообще никуда не поедешь.

Ане спрашивать о таком не приходилось. Что там! Она курила и даже не скрывала этого от родителей.

Ее жизнь для меня была как сериал. По воскресеньям она ходила в кино с одним спортсменом, который приехал в наш город, чтобы играть в сборной по водному поло. Он как-то раз принес ей розу, а потом сказал, что у него есть девушка, но звать Аню в кино не перестал, а она не перестала соглашаться.

Той зимой я наткнулась в «ВКонтакте» на еще одного чувака: нечитаемая вязь (අනුභූතීරෂීකි – тайский, читается как лун-бунг-мира-люнг) вместо имени, в подписках – паблик с собственными стихами. Я долго не могла уснуть – читала их один за другим. Они были как на другом языке: вроде все слова знакомы, а смысл ускользает. Добавляться в друзья не стала, скинула Ане с подписью: «Влюбилась в его стихи».

– ...А потом он такой берет меня за руку!

– А ты что? – вызванивала я ее по свежим следам.

– А я ему: ну, чувак, это уже ту мач.

Наш смех синхронизируется через телефонную трубку. Тут я вспоминаю про свой план.

– Если что, я, типа, у тебя в пятницу двадцать четвертого? – заговорщически прижимаю трубку ко рту.

– Без бэ. Кстати, я твоего поэта в друзья добавила. Сегодня переписывались, – неожиданно сменила тему Аня.

– Серьезно? – спросила я, хотя и не была удивлена.

Я чувствовала себя сонграйтером, у которого украло лучшую песню. Утешало одно – назревающая любовь тут, на северо-западе Москвы.

В одну из суббот на улице стоял такой мороз, что мои волосы покрылись инеем, а щедро накрашенные глаза слезились. В лифте я посмотрелась в зеркало. Вместо моего отражения в нем показывали наше сегодняшнее прощание. Наши приветствия и прощания – вот что было самым важным для меня. Правда, приветствия часто происходили не так, как нужно, или не так, как я себе представляла: то я потеряюсь в толпе в метро, то он опоздает на полчаса и не извинится. А вот прощания ни от кого, кроме нас двоих, не зависели.

Тогда на прощание он обнял меня. Точнее, не меня, а мой мутно-зеленый пуховик. Хорошо, когда можно быть так близко.

– Ты хоть видела его? – спросила я, сидя на розовом диване в Аниной комнате.

На полу стояла открытая бутылка с вином и тарелка с твердым сыром.

– Нет, он сказал, что не фотографируется. – Аня потянулась к тарелке.

Мы смотрели фильм «Милая Фрэнсис».

– А ты читала его стихи?

– Да. Он мне что-то там присылал, – прожевала она.

– Вау, и как?

– Я думаю поехать к нему. Он живет в Минске, – сказала Аня, как будто это было связано со стихами.

– А вдруг он, ну, не знаю... старше? – намеком спросила я.

– Да не, он норм, я такие вещи чувствую. – Аня щелкнула мышкой, и мы снова оказались в черно-белой версии Центрального парка, по которому гуляли две главные героини.

Каждый раз, когда я пишу сообщение, я продумываю возможные варианты ответа. Например, я пишу «я посмотрела фильм милая фрэнсис!». Я знаю, что на это могут быть такие ответы: «и как тебе?», «понятно» или просто эмоджи «палец вверх». Я выбираю градацию – от лучшего ответа к худшему. Я нажимаю «Отправить». Проверяю звук на телефоне: включен.

Ваня был первым человеком, чьи сообщения я учила наизусть. Общение с ним было раскопками, а его короткие энигматические послания – артефактами. Я раскладывала их вокруг себя, пытаюсь отличить по-настоящему ценные находки от мусора.

– Кому ты там пишешь? – незаметно подкралась Аня, когда я сидела на лавочке перед кабинетом

* «Фрэнсис стремительно бросается в свои мечты, даже когда их возможная реальность истощается» (здесь и далее переведено с английского с помощью Google Translate. – Прим. авторки).

истории, записывая в заметки пришедшие в голову строчки.

- Никому. Просто пишу, – застеснялась я.
- Ничего не просто. Я все про тебя знаю! – засмеялась она и протянула руку к моему телефону, в шутку пытаясь отобрать его у меня.
- Ладно, вот, смотри. – Я направила на нее отсвечивающий на солнце экран. – Это новое.

*между нами разница
тайм лапс
таймс пас
от строгини до аннино
если хочешь остаться
на полу будет жестко спать
у меня есть пенка

скульпчу
хочу положить руку тебе на коленку*

Не успела она дочитать, как прозвенел звонок.

- Офигенно, зай. Пришли мне вэка, плиз.

Она захрустела каблуками по коридорной плитке в сторону кабинета.

Аня была главной ценительницей моих стихов. Она ставила строчки из них в статусы в «ВКонтакте», что отчасти приравнивало меня к Чаку Паланику, и этого признания мне было достаточно.

Последний день учебы перед зимними каникулами мы отмечали коробкой зефира и ликером «Бехеровка», тайком взятым из папиного бара.

- На вкус как слезы, – поморщилась я от первого глотка.

Аню это рассмешило. Опьянение не наступало, только захотелось спать. Я растянулась на диване, чувствуя себя тем помещиком из «Мертвых душ», который любил чилл*. По музыкальному каналу крутили клипы 90-х. Аня слизывала с пальцев растаявшую глазурь.

- Ты хотела мне что-то показать, – вспомнила я.
- Точно, час!

Не успела я обернуться, как она уже хлопала дверцами письменного стола в другой комнате. Через секунду у меня перед глазами появилась вытянутая бумажка. Бледные буквы на розовом фоне расплывались – ну привет, бехеровка.

- Электронный билет. E-ticket. Москва. Белорусский вокзал. Минск, – прочла я вслух, приподнимаясь на локтях с дивана, – а-а-а, че, реально?! Когда?

– Двадцать четвертого. – Аня взяла еще одну зефирку и целиком отправила ее в рот.

В тот же день.

Была оттепель, минус один. Я надела свою бежевую парку, о которой мы с мамой постоянно спорили: она считала, что та осенняя и бомжатская, я – что зимняя и элегантная.

В кафе «Пирог на Маросейке» играла новогодняя музыка. Мы заказали два глинтвейна.

- Мой сосед по общаге уехал на вписку. Так что могу показать, что тебя ждет, если поступишь в МГУПИ, – предложил Ваня, отхлебнув глинтвейн из прозрачного стакана на ножке.

В МГУПИ поступить было никак нельзя – курсы в МГИМО, занятия с преподавателями из МГУ и родители задавали другую планку: как минимум ВШЭ. Втайне я надеялась вовсе презреть необходимость высшего образования – сразу поехать в Голливуд, первое время сниматься в кино, а потом и самой стать режиссером, как Грета Гервиг**.

За окном была Москва, на часах было семь тридцать.

Я посмотрела на Ваню – в его лице была какая-то приятная симметрия, словно сложили пазл из всего, что я люблю. Скажу маме, что мы с Аней смотрим фильм и я ночую у нее. Это даже больше похоже на правду, чем то, что на самом деле со мной происходит.

Ваня просит счет (каждый платит за себя сам), и мы выходим на улицу Маросейку. У него темно-синяя куртка с мехом вокруг капюшона, а у меня замерзли руки, я забыла дома перчатки. Самую романтическую улицу города, в который Ваня три года назад приехал из Калуги учиться на печатника. Руки в карманах. Не помогает.

- Какие планы на Новый год? – спрашиваю я, радуясь так быстро придуманной теме для разговора.
- На ночь кино в «Художественный», наверное. А у тебя?

Мы шли мимо дворовых арок по пустой, освещенной одними гирляндами улице.

- С друзьями буду отмечать. Полночь с родителями, а потом...

Ваня вдруг остановился напротив одной из ведущих в темноту арок.

- Я сейчас, – перебил он.

Он слился пуховиком с маросейскими потемками и исчез. Я стояла посередине тротуара, ежась от

* От английского сленгового глагола chill – отдыхать, расслабляться.

** Американская актриса и режиссер, исполнительница главной роли в фильме «Милая Фрэнсис».

холода. Минус один. Это было, скорее, про Ваню, чем про температуру. Я оглядывалась по сторонам как человек, который ищет закладку или заблудился.

– Извини, надо было отлить.

Ванина длинная фигура высветлилась прямо передо мной.

Я кивнула. Мы продолжили путь.

В восемь ноль пять по местному времени поезд прибывал в город-герой Минск. Сверяясь с карманным зеркалом, Аня замазала усталость тональным кремом и достала из косметички пробник духов.

– К молодому человеку едешь? – спросила женщина напротив, грызящая в качестве ужина ломкие вытянутые сушки.

– К другу, – честно ответила она.

По купе разлился терпкий запах сладкого спирта.

Лунгбунгмиралюнг, которого в жизни звали Коля, встречал ее на перроне в серых узких джинсах и твидовом пальто. Заметив Аню со спортивной сумкой на плече и рюкзаком, он не сдвинулся с места.

– Ну, привет, – сказала Аня, закуривая.

– Привет, Марла*. – Он улыбнулся и оказался еще менее привлекательным.

– Не поможешь с сумкой? – Аня выдохнула сигаретный дым и подставила ему правое плечо, с которого свисал черный бесформенный баул.

Коля снял его – таким было их первое прикосновение – и, взвалив себе на спину, кивнул в сторону указателя «Выход».

Он жил в по-советски просторной квартире в центре Минска. Соседнюю комнату снимал японец, который приехал сюда два года назад преподавать английский, а теперь целыми днями играл в плейстейшн. На кухонном столе стояли две бутылки вина, крупы в картонных коробках, тостер и какие-то бумаги. Казалось, это был стол не для еды, а для ненужных или забытых вещей. На бледной стене висела бледно-розовая карта России.

– Патриот, что ли? – подстебнула его Аня.

– Это Такеши пытается учить русский. – Коля вворачивал штопор в одну из бутылок.

Разговор не шел. Аня всматривалась за окно в деревянную покоцанную раму, как будто силясь там разглядеть эту розовую Россию. Видела только, как дрожат на ветру выцветшие деревья. Без пальто Коля оказался толще, чем она себе представляла, хотя ноги и были худыми, живот выпирал из-под

свитера, выдавая неправильное питание и спортивную заброшенность.

Комната Коли оказалась так же загадочна, как и его страница в «ВКонтакте»**: вместо кровати – слоеный торт из двух матрасов, вместо шкафа с одеждой – стеллаж, заставленный книгами, стол с ноутбуком, деревянный стул и все. Аскеза.

– Я еще возьму у Такеши раскладушку, – сказал он, видя ее растерянное лицо, но Аня была уже достаточно пьяная, чтобы ответить:

– Да мне и так норм.

Аня сбросила сумку у двери и подошла к стеллажу. Корешки пестрели пока незнакомыми именами: Рембо, Фрост, Уитмен...

– О, ты тоже знаешь Уитмена? Моя подруга его любит, – сказала Аня, доставая с полки «Листья травы».

В общаге пахло стиркой и макаронами. В остальном – обычный подъезд. На входе сидел дежурный – окно в стене было прикрыто, из щели доносился уютный гул телевизора. Слева от лифта – лестница. Ваня поднес палец к губам, и мы беззвучно прокрались по лестнице на второй этаж.

– Это наша кухня! – анонсировал он, когда мы проходили мимо просторного помещения без двери.

Я заглянула внутрь. Стальной гарнитур и белая плитка больше напоминали больницу.

– А где холодильник? – поинтересовалась я, пока мы шли по коридору. Вдоль одинаковых дверей, как в гостинице.

– А холодильник у каждого в комнате. Чтобы не воровали, – роясь в кармане джинсов, пояснил Ваня.

Мы остановились перед одной из дверей. Под ней горела полоска света. Я посмотрела на Ваню, но он не вернул мой взгляд.

Дверь открылась еще до того, как Ваня повернул ключ и мы зашли внутрь.

– Костя?

В дверном проеме комнаты показался светловолосый парень в полосатой футболке. Он отклонился, сидя в компьютерном кресле, и прищурился, секунду разглядывая меня. В его взгляде было что-то наглое. Я испугалась его, как пугалась старшего брата Ани. Неловкость вызывало само присутствие этих мало знакомых полувзрослых. И потом, непонятно было, как с ними здороваться: привет или здравствуйте?

– Здравова, – отозвался Костя из комнаты.

* Марла – героиня книги и одноименного фильма «Бойцовский клуб», в которую влюбляется альтер эго главного героя – бунтарь Тайлер Дерден.

** Это закрытый профиль. Добавьте **သူညိုဖိတ်စီဂီ** в друзья, чтобы посмотреть его записи, фотографии и другие материалы.

Я аккуратно ступала по грязному паркету в комнату. Мой план рушился.

– ...Учился в лучшей гимназии Минска. Потом поступил на журфак. Но через полгода ушел. Это дно было. Академия истрепалась в хлам, – рассказывал Коля, а Аня все смотрела на его маленькие тонкие губы – такие губы почему-то вызывали у нее отвращение. – Если хочешь быть поэтом, то нужно держаться от таких мест подальше. Понимаешь?

– А как же диплом?

Когда он говорил, Ане было скучно, а когда он замолкал, она не знала, что сказать.

– Высшее образование переоценено. Меня уже сейчас зовут преподавать в гимназию, где я учился. Я отказываюсь. Потому что эта система свое отжила, но все продолжают делать вид, что ничего не изменилось.

Аня зевнула.

Коля продолжил лекцию:

– Рембо не нужен был диплом. Он был настоящим поэтом. Понимаешь?

Аня посмотрела куда-то сквозь него. Ей захотелось взять его за руку, но она только кивнула.

– А тебе какие поэты нравятся? – спросил Коля, наконец заметив Анину скуку.

– Я больше по русской поэзии. Серебряный век. Ахматова там, Есенин.

Коля многозначительно покачал головой, взял со стола бокал и залпом выпил остаток. Ане вдруг стало неуютно от одного его присутствия.

– Ты уверена, что тебе не нужна раскладушка? – переспросил он.

– Может, и нужна. Если честно, уже хочу спать, – ответила Аня и подумала: «Лучше бы он оказался старше».

Коля сделал то ли расстроенное, то ли злое лицо.

Холодильник и правда стоял прям в комнате. Рядом на табуретке ютились две кружки, чайник и банка с кофе. У подножья двухъярусной кровати – башня из картонных коробок. Все это превращало комнату в странную смесь кухни, спальни и кладовки. За накрытым клеенчатой скатертью столом с ноутбуком сидел Костя. В старое выпуклое стекло билась голая ветка.

– Ого, двухэтажная кровать! Мечта детства! – сказала я, сама не зная кому.

– Можешь залезть на второй этаж, если хочешь, – ответил Костя.

– Эй, это моя кровать вообще-то! – отозвался Ваня из коридора.

Я уже нашла лестницу и карабкалась наверх.

Здесь, на втором этаже, было как в шалаше или на облачке. Я сидела, свесив ноги в шерстяных носках. Сверху комната казалась маленькой коробкой для еще меньших коробок – вечной матрешкой. Жить бы я здесь не хотела.

Он принес мне чай. В чашке плавал пакетик.

– Я думал, ты уехал, – сказал Ваня.

– Не, все слились в последний момент, – ответил Костя, и они стали дальше обсуждать ситуацию с несостоявшейся впиской так, как будто меня здесь нет.

Я перестала бояться Костю, теперь я его ненавидела. Он мешал мне остаться наедине с Ваней. Я посмотрела на ветку в конвульсиях, а потом на время. У меня оставалось полчаса. Я решила: если сегодня так ничего и не случится, то я перестану ему писать.

Ваня сидел рядом со мной, здесь, на своем облачке. Его коленка касалась моей руки. Когда я чувствовала это, то забывала, что соврала маме, что я только что обожгла кипятком язык. И он горит.

Глнтвейн выветрился, и я молилась, чтобы Ваня все равно поцеловал меня. Но что такого нужно сделать или сказать? Будь Аня на моем месте, она бы знала.

За полчаса я сказала две фразы: «в одиннадцатом классе» и «мне уже пора выходить».

– Мне уже пора выходить, – прервала я перестукивание мужских голосов.

– Тогда пойдем, – бодро сказал Ваня, как будто только этого и ждал. Может, тоже хотел поскорей меня поцеловать.

– Я с вами. В «Перек» как раз собирался. – Костя вздохнул, как если бы кто-то заставлял его с нами идти.

– Тогда пойдемте. – Ваня одним движением слез с кровати и протянул мне руку.

Я взяла его за руку и прыгнула вниз, в новую взрослую жизнь.

Когда Коля вышел за раскладушкой, Аня еще раз окинула взглядом его комнату. Может, надо было снять номер в гостинице? Ей вдруг захотелось домой. У нее дома по выходным пахло сырниками, а по будням – коричневыми свечками, которые она жгла в своей комнате с розовым диванчиком. Здесь пахло пылью и... заброшенностью. Ей уже второй раз за вечер приходило в голову именно это слово. За дверью что-то гремело. Обнимая металлические прутья, Коля занес в комнату собранную раскладушку.

– Я сейчас пишу сборник стихов, – рассказывал он ей позже, когда свет был уже выключен.

Аня лежала, накрывшись одеялом до подбородка, и старалась не двигаться – пружины противно скрипели по любому поводу. Они смотрели в потолок, перекидываясь репликами, как еще несколько часов назад – сообщениями.

– О чем сборник? – Аня провалилась в раскладушку, как в чью-то ладошку.

– Все о том же: тлен, смерть, любовь. Любовь и смерть. – Он усмехнулся собственной шутке. – А ты сама-то пишешь?

– Да, иногда, – соврала она.

– Покажешь? – В глазах Коли появилось что-то похожее на интерес.

Аня вытащила из-под подушки телефон, и ее лицо подсветилось синим.

Началась метель. Снег летел в рот и в глаза, я надвинула шарф до лба, но он скатывался, позволяя обжигающим крошкам снега бить меня по щекам. Глаза опять слезились. Это даже хорошо. Снег стеклянной крошкой залетал в легкие, царапая их изнутри. Перестану ему писать. Раз и навсегда.

В кармане куртки завибрировал телефон. Мама.

– Алло.

Я замедлила шаг.

– Ты где? У нас такая метель!

– Я у Ани.

Ваня обернулся на меня, но тут же зажмурился от ветра. Я добавляю:

– У нас тоже!

– Что? Плохо слышно.

– Я у Ани еще, вернусь поздно. На такси.

– А, ну, хорошо. Дверь закрыта на верхний. – В мамин голос не было недовольства или подозрения.

Я сбросила звонок, убрала телефон в карман и заскользила по примерзшему асфальту догонять Ваню.

Через несколько домов мы свернули за угол, и впереди замерцали вывески ларьков с шаурмой, ремонт телефонов и сигаретами, а за ними – красный знак «М» и зеленый фасад магазина «Перекресток». Сердце замерло, а потом забило в панической атаке. Ваня шел рядом, его ноги разьежались на льду, как у нелепой собаки или оленя. Я схватила его под руку, то ли чтобы не упасть, то ли чтобы не упала моя первая любовь.

У лестницы, ведущей в супермаркет, они останавливаются.

– Покурим? – спрашивает Костя, уже с сигаретой в зубах, рыская по карманам зажигалку.

Ваня смотрит на меня.

– Вон там вход в метро, – кивает он в сторону красного знака.

– Да, вижу.

Какое-то время они курят, я стою. Когда Костя отходит потушить сигарету об урну, я говорю:

– Ну, я пойду, пока.

– Пока, – улыбается он.

И все.

Мы обнимаемся на прощание. «Я буду скучать», – хочу сказать я, но родной язык становится плохо выученным иностранным. Я выдавливаю из себя слова, они никак не соединяются в предложение:

– Теперь. Мне. Опять. Будет. Скучно.

Он ничего не отвечает. Пазл на лице сложился в улыбку и остался таким навсегда в моей памяти. Костя уже поднялся по ступенькам и тянет на себя дверь. Я машу ему обветренной рукой без перчатки.

Проверяю время: на автобус еще успеваю. Вдруг становится стыдно, что соврала маме. Я отворачиваюсь, в лицо мне с новой силой бьет снег.

Утром Аня проснулась от запаха горелого масла. Было девять утра. За окном сонно падал снег. Вчерашний вечер врвался в сознание обрывками.

– Неплохие стихи. Почему не публикуешь? – по-наставнически спросил Коля с соседней кровати.

– Да как-то. Руки не доходят, – оправдалась Аня.

– Марла?

– Мм?

– Не хочешь лечь со мной?

– Если честно, нет.

– Ок.

Очень хочется пить. Аня натягивает джинсы и идет на кухню. Там низкорослый, но крупнотелый мужчина в трениках жарит что-то похожее на пельмени.

– Ні!* – говорит он.

– Хай, – отвечает Аня.

– Гm Takeshi**. – Он улыбается и протягивает ей маленькую плотную ладонь.

Он пытается что-то объяснить, но она понимает только, что Коля ушел. Вэр из Коля? Такеши тараторит, он спрашивает, будет ли она лапшу. Ес, плиз. Ей хочется сбежать. Садится за стол под бледно-розовой картой и набирает сообщение:

«Он куда-то ушел и мне кажется это из-за меня».

Когда я проснулась, было уже десять тридцать. От него – ни одного. Зато новости от Ани.

* Здравствуй!

** Я Такеши.

Отвечаю: «Почему? Все настолько плохо?»

Аня: «Ага. Думаю менять билет».

Она вернулась на три дня раньше.

– Мы почти не разговаривали, потому что я отказалась с ним спать. В первый день я сходила погулять по Минску, а во второй не выдержала и переехала в гостиницу, – рассказывала она мне, сидя на том же розовом диванчике, что и две недели назад.

Я слушала и думала: «Он мне так и не написал. Это конец». Заметив мою отстраненность, Аня сказала:

– Мне нужно кое-что еще тебе рассказать.
– Давай, – приготовилась я к новой порции ее похждений.

– Я выдала твой стих за свой. – Аня закрыла глаза рукой.

– Зачем? – удивилась и даже разозлилась я.

Было обидно, что я выгляжу как человек, с которым можно так поступить.

– Мне хотелось показать ему, он не один тут такой умный и крутой. Чем-то заинтересовать.

Аня смотрела мне в глаза, как провинившийся ребенок, зная, что его простят.

– И что он сказал?

– Ничего, я же говорю, мы почти не общались после первой ночи.

– Нет, про мои стихи.

– Что они классные, конечно.

Потом я пойму: возможно, и это была ложь, но тогда я внутренне ликовала: мой текст прочел человек, которого я считала настоящим поэтом.

– Ты не обижаешься на меня?

– Нет, все окей. Я уже и думать забыла! – Но я не забыла.

Все каникулы я просыпалась с плохим настроением и писала стихи: что-то там про теньевую власть в маленьких городах и хрупкие, как лед, чувства.

Через полгода, на вступительных испытаниях в Литинститут, серьезные люди в костюмах сказали про них:

– Это интересно. А у вас есть что-то не лирическое?

Не лирического у меня не оказалось, но в Литинститут меня все равно взяли.

А потом вышла книга у Коли. Я поехала за ней в специальный полуподпольный книжный, и по дороге прочтя сама, на следующий же день отдала Ане.

– Шлюхи рвутся в мой дом, как на новоселье, / Шлюхи любят Сергея Есенина, – с издевкой продекларировала она и, сменив интонацию, добавила: –

Согласны? Узнали?

Я рассмеялась:

– Думаешь, про тебя?

– Судя по тексту – да.

– Ну, это просто очень плохие стихи, – резюмировала я.

В тот день, когда Ваня спустя много лет подписался на мой «Инстаграм», я проснулась рядом с мужчиной. От его темных волос пахло мылом. Мы познакомились на концерте. Я стояла под лестницей у прилавка с мерчем*, вертела в руках кассету за десять долларов. Я сказала: жаль, мне негде такое слушать. Он услышал и сказал, что у него в машине старый магнитофон. На другом языке любовью разговор интересней, любая ситуация – сцена из кино. Фрэнсис стремительно бросается в свои мечты.

Когда он ушел, я проверила звук на телефоне: включен.

Декабрь 2018 – март 2019 года

* Мерч – различная продукция с какой-либо символикой.